

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.123-148

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)

Н.Е.Застенкер. Ленин о домарксовом утопическом социализме

Морис Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)

М.А.Барз. Генезис идеологии истинных левеллеров

Жан Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.С.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

Ю.П.Мадор. Эстетические взгляды французских

утопических социалистов первой половины XIX в. 223

К.Э.Кирова. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)

А.Д.Колпаков. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов

Карл Оберман. К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.

А.И.Володин. О начале социалистической мысли в России

Е.Л.Рудницкая. Социалистические идеалы Н.П.Огарева

В.Р.Лейкина-Свирская. Утопический социализм, петрашевцев

В.Э.Кунина. История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)

Ю.Я.Мошковская. Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.

В.М.Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

МОРИС ДОММАНЖЕ

ИСТОКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЙ ЖАНА МЕЛЬЕ к 300-летию со дня рождения

Перевод с французского Л. М. Бродской

Жизнь священника Жана Мелье (1664—1729), одного из самых отважных защитников атеизма и самых великих предшественников коммунизма, была до настоящего времени скрыта от нас густым облаком неизвестности и заблуждений.

Настоящий очерк представляет собой фрагменты из двух глав находящейся еще в рукописи биографии Жана Мелье. Изучая источники, найденные главным образом на родине Мелье, в суровых Арденнах, автору удалось найти материалы, которые помогут выявлению подлинного образа скромного священника, отправлявшего требы в приходе Этрепиньи еще за 31 год до того, как в соседней провинции родился Бабеф. Работая над биографией, автор одновременно постарался показать, какое важное место занимал Мелье в истории социализма.

* * *

Как объяснить возникновение социального сознания у священника, жившего в глухой деревне Шампани во времена Людовика XIV? Как проследить путь, который должен был привести его к прозрениям, к требовательному мессианству?

Мелье не оставил нам никаких указаний на источники своих политических и социальных дерзаний. Критика им общества своего времени и тем самым всех обществ, построенных на эксплуатации, ясно показывает, что именно его поразило. Но она не дает никаких указаний на генезис его первых прозрений социального порядка. Поскольку трудно предположить, будто он с самого детства был склонен к социальному скептицизму, соединенному со скептицизмом религиозным, мы готовы думать, что критика и социальные чаяния Жана Мелье явились следствием его антирелигиозных чувств.

Если мы хотим понять, как родился революционный социализм Мелье, то нам, очевидно, придется глубоко изучить со-

временную ему обстановку. Время является «сырьем» для историка и его изучение — первая задача исследования. Необходимо проанализировать горестную действительность, окружавшую скромного деревенского кюре и бессознательно для него проникавшую в его душу. Его социализм возник совершенно непосредственно из открывшейся перед ним социальной бездны: нищеты крестьян, нищеты, которая ставила вопрос о политическом режиме и которую еще более увеличивали войны, голод, страшные зимы, фискальные взыскания — все, что так хорошо было известно Мелье. Что касается революционного характера его социализма, то он, несомненно, был обусловлен народными движениями этой эпохи. Но если бесспорно, что коммунизм Мелье вышел из хижин и выражал нужды и жалобы крестьян, — а эта сторона его происхождения весьма существенна и наиболее важна, — то нельзя не учитывать, что идеология его возникла и из других источников, а именно: под влиянием философской и литературной традиций.

Кюре Мелье не только защитник своих прихожан и выразитель их взглядов; не забудем, что он мыслитель, который с наслаждением укрывался среди своих книг. Страстно увлеченный своим трудом писателя, он искал в имеющихся в его распоряжении книгах нужные ему высказывания и ссылался на серьезные авторитеты, могущие поддержать его учение. Тщетно, да и невозможно, узнать, в какой мере источники духовно го порядка стимулировали его ненависть, возбуждали его критический ум, усиливали его чаяния, помогали воздвигнуть идеал коммунистического общества. Тем не менее эти источники помогли ему, и мы обязаны их изучить. Мы начнем настоящее исследование именно с изучения интеллектуальных источников социальных идей Мелье, причем не потому, что считаем их более важными, чем источники материальные, а просто потому, что надо же откуда-нибудь начинать и распределять вопросы в последовательном порядке.

* * *

Подобно своим предшественникам, которые высказывались в пользу общности имущества, Мелье прибегал к помощи эгалитарной легенды о золотом веке, которая, отметив мимоходом, всегда принимала, и не могла не принимать, аграрную форму. Подобно своим предшественникам, он ссылался на коммунистические идеи Платона и евангельские социалистические учения и, так же как эти предшественники, обращался к более поздним авторам. Но, в отличие от предшественников, он, по-видимому, не вдохновлялся никакими утопическими построениями.

Он не высказывался за теорию «добротного дикаря», хотя в одном месте заявил, что заморские народы «имеют разум»¹.

Легенда о золотом веке, которую мы находим у всех народов мира, дает картину коммунистического общества, где были осуществлены все мечты о счастье. Золотой век воспевался всеми поэтами и философами древности. Но Мелье, по-видимому, был знаком лишь с тем, что говорил о золотом веке Лукреций, Вергилий, философ Сенека и Овидий.

Без всяких комментариев он переписывал по-латыни идиллические картины, взятые из *Natura Regum* и *Энеиды*, ограничиваясь следующими словами: «Вот как говорят об этом древние поэты»². Он цитировал 90-е послание Сенеки, основанное на сообщении философа Посидония, очевидно, не зная, что послания Сенеки подложны. Но не все ли это равно, раз текст, на который он ссылался, дал ему одновременно и критику «грабительского общества» и образец коммунистического общества. Здесь имелось все: уничтожение «пограничных столбов и межевых знаков», разделяющих поля, общность владения и пользования «дарами земли», общая жизнь в полном согласии и счастья, «похвальные нравы», отсутствие «наживы», скупости, стремления «присоединить один участок к другому и сгонять соседа с его участка за деньги или путем насилия»; «никто не мог иметь ни слишком большой, ни слишком малой доли»; «сильнейший еще не налагал руки на слабейшего... лишая другого того, что для него необходимо»³. Несомненно, что этот текст, не ускользнувший от внимания Макса Бэра, но на который другие историки социализма даже не намекали, произвел громадное впечатление на кюре Мелье. Но он ограничился тем, что привел его, не ручаясь за реальное существование столь блестяще описанного коммунистического рая. Ему даже случается спутать, как видно из его ссылки на «Исторический журнал», легенду о золотом веке с легендой о Сатурне, воспетой Овидием⁴.

* * *

Мелье использовал также «Книгу благодеяний» Сенеки, в которой языческий философ проповедовал равенство людей. Приводимая им цитата весьма замечательна, ибо она открывает нам источник двух идей, которые вслед за Мелье будут развивать философы XVIII в., а именно, что единственное благородство — это благородство добродетели или знания и что все политические и общественные различия между людьми ни

¹ Ж. Мелье. Завещание, т. II, М., 1954, стр. 80.

² Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 280.

³ Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 220.

на чем не основаны. Мелье повторял слова Сенеки: «Все наименования и титулы королей, князей, монархов, властителей, вельмож, подданных, вассалов, слуг, вольноотпущенных рабов созданы честолюбием, несправедливостью и тиранией»⁵.

Эта чисто теоретическая формула расширится и превратится в революционное воззвание в знаменитом обращении «Манифеста равных»: «Пусть исчезнут, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, сильными и слабыми, господами и слугами, управителями и управляемыми»⁶.

В противоположность Сенеке, Платон, «интеллигентный аристократ с головы до ног»⁷, хотя и утопист, не был сторонником равенства людей, несмотря на то, что несколько раз отказывался от отличий, обусловленных его кастовой принадлежностью. Во всяком случае, Платон чувствовал такое же отвращение к глупой толпе, как и к плутократии. Вот этого Мелье принять не мог. Поэтому он помещал его среди тех политиков, которые бесстыдно заявляли, что народ нуждается в том, чтобы быть обманутым. Он напоминал по этому поводу знаменитое место в «Республике», где сказано, что «для блага людей часто бывает необходимо обманывать их»⁸. Чтобы лучше выявить «возмутительный» характер этого способа действий, он употреблял в отношении его слова «надувательство» и «обман»⁹. Но, по-видимому, Мелье вычитал эту фразу не в сочинениях Платона, а взял ее у Монтеня, хотя мог встретить ее в III главе «Мыслей» Паскаля.

Впрочем, Мелье дает Платону высокую оценку следующими словами: «Платон, божественный Платон, желая создать государство, в котором сограждане могли бы жить в полном согласии, с полным основанием изгоняет в нем слова «мое» и «твое», совершенно разумно полагая, что пока есть, что делить, всегда найдутся недовольные, отчего происходят смуты, расколы и тяжбы»¹⁰.

Следует отметить, что этот отрывок не подтверждается никакой ссылкой. Если мы сравним его с упомянутой выше цитатой, взятой из вторых рук, то возникает предположение, что Мелье говорил о «республике» только понаслышке. Во всяком случае Мелье не прощал Платону, что тот строил коммунистическую общину на базе рабства и обмана трудящихся классов. Незначительность заимствований, сделанных Мелье у отца утопической литературы, являлась весьма ценным показателем.

⁵ Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 156.

⁶ M. Domange et Sylvain Maréchal, p. 311 (Le Manifeste des Egaux).

⁷ M. Beer. Histoire générale du Socialisme et des luttes sociales. Éd. française, t. I, p. 97.

⁸ Ж. Мелье. Завещание, т. I, стр. 91.

⁹ Там же, стр. 89.

¹⁰ Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 220—221.

* * *

Естественно, что юре Мелье для оправдания своих социальных устремлений решил использовать первоначальные тексты и первые шаги христианства. Он очень хорошо знал, что Евангелие содержит ряд афоризмов весьма взрывчатого характера. Поэтому у него не встречается нападок с социальной точки зрения на священные книги, на людей и деяния раннего христианства. Но следует отметить, что он не использовал многочисленные тексты иудейско-христианской традиции, устанавливающие общественный характер собственности.

Среди эгалитарных и коммунистических сект, предшествовавших христианству и его вдохновлявших, Мелье выделял ессеев, которых он знал по Иосифу Флавию и Марана. Но он намеренно не останавливался на них как на примере, хотя его мог поразить тот факт, что, как подчеркивал Марана, ессеи презирали богатство, отказывались от всяких коммерческих сделок и жили «в полной общности имущества»¹¹.

Интересно отметить утверждение Мелье, что христианская религия в первую пору своего существования хотела, по всей видимости, привести своих последователей «к этой жизни обща, как лучшей и наиболее подходящей для людей»¹². В ту пору христиане не представляли собой «вредной, жалкой и презренной секты»¹³.

В подтверждение своего положения Мелье в первую очередь отмечал тот факт, что христианская религия «внушала им смотреть друг на друга как на братьев и как на равных»¹⁴. Во-вторых, «они отдавали тогда все в общую казну и между ними не было ни одного бедняка». Но прежде всего в качестве главного примера он приводил «общину святых», или «святую общину», или «общину», которую он считал, или делал вид, что считал (ибо доказательства его весьма слабы), за один из «главных пунктов» символа веры и религии первых христиан, даже за единственный, «который они должны были навеки сохранить нерушимым». К несчастью, этого не случилось, потому что первые и главные между ними разделили между собой общее достояние, сохранив эту общность лишь в идеале. Таким образом, реальная, материальная общность имущества преобразовалась и превратилась в воображаемое приращение благ духовных, т. е. в «смешное извращение» религиозного характера¹⁵.

¹¹ Marana. L'espion turc, t. III, p. 394.

¹² Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 221.

¹³ Там же, стр. 53.

¹⁴ Там же, стр. 233. Sylvain Maréchal в «Pour et contre la Bible» на стр. 313. приводит те же слова, что и Мелье

¹⁵ Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 222—223.

В дальнейшем христиане сохранили от первых времен существования своей религии общность имущества лишь для монахов. Что касается «прихожан или общин мирян», то их имущество, по словам Мелье, «составляло такую малость, что не стоило и говорить об этом»¹⁶.

Что касается «почти повсеместной тирании великих мира сего», которые «не перестают тиранить самым жестоким образом бедные народы»¹⁷, то Мелье вспоминал пророка Самуила, который «по-видимому, любил справедливость, не любил царской власти»¹⁸. Самуил упрекал народ Израиля за то, что народ этот требовал царя, и восстал против этой «безумной мысли». Однако народ не слушал «спасительных предостережений пророка» и поставил над собой царя, чему стали подражать и другие народы. «Никогда еще пророчество,— заключал Мелье,— если только существуют вообще пророчества, не исполнялось с такой точностью»¹⁹.

* * *

Чтобы подкрепить свою критику политического характера, Мелье ссылаясь на авторов мемуаров. Он пользовался мемуарами Филиппа де Коммина, но, удивительное дело, не обращая внимания, впрочем, так же как и в мемуарах Пьера Шаррона, на те места, которые побудили ученых поместить среди предшественников социализма как историографа Людовика XI, так и автора книги «О мудрости». Он черпал также из мемуаров кардинала Дю Перрона, из «Духа Мазарини», а также из «Политического завещания» кардинала Ришелье²⁰. Мелье не любил этого государственного деятеля и характеризовал его как льстеца, который раболепствует перед величием своего короля Людовика XIII²¹, и находит его управление «ненавистным всем»²². Осуждая Людовика XIV, Мелье целиком опирался на сочинение «Благо Европы в 1694 году», заглавием которого он назвал одну из глав своего «Завещания».

Из числа крупных писателей своего времени Мелье пользовался главным образом сочинениями Лабрюйера, Паскаля и Фенелона.

Нас не удивляло, что Мелье приводил то место, где Лабрюйер в своих «Характерах» бичует богатого вымогателя Эргаста²³. Мелье также не мог не использовать мысли, изложенные

в главе «Обычай», в которой Лабрюйер возмущался «слишком большим неравенством, как оно наблюдалось у людей», и пользовался этим, чтобы поставить дилемму: это злой умысел людей или бога?²⁴

Все же не случайно, что Мелье обходил молчанием предшествующую мысль Лабрюйера. Дело в том, что великий писатель посвятил целый абзац критике коммунистического идеала, а в другом месте он высказывался за общество, основанное на известном неравенстве положений²⁵. Как мы видим, Мелье охотно извлекал из «Характеров» все, что подтверждало его социальную критику но тщательно опускал места, противоречащие его социальным чаяниям.

* * *

Использование Паскаля в коммунистических целях может показаться странным. Но оно несколько не поражает тех, кто видит в его «Мыслях» жестокую борьбу между страстной верой и неукротимым разумом. Недаром Паскаль называл Платона «самым мудрым из законодателей»²⁶. Биллемен заметил, что когда Паскаль судил о земных делах с чисто философской свободой и беспристрастием, он часто «совершенно противоположным путем приходил к той же цели, что и самые смелые новаторы»²⁷. Он в действительности расшатывал самые основы общества, как это совершенно справедливо заметил Альбер Байе²⁸.

Эта сторона личности Паскаля не осталась скрытой от кюре Мелье. Он не цитировал утверждения Паскаля, согласно которому «равенство имуществ справедливо»²⁹, ни то место, где Паскаль подчеркивал, что богатство есть дело случая, что оно сохраняется «только вследствие воли законодателей», которые, вместо того чтобы сохранять его по наследству, могли бы вернуть его в казну республики³⁰. Но если Мелье не цитировал этих мест, все же трудно себе представить, чтобы они ускользнули от его внимания и что он не воспользовался ими, ибо он приводил мысль 50 из главы VI, в то время как мысль о равенстве имуществ помечена номером 7. Мысль 50, которую цитировал Мелье, высказана следующими словами: «Эта собака — моя, говорили эти бедные дети земли; это — мое место под солнцем. Таково начало и прообраз захвата всей земли»³¹.

¹⁶ Ж Мелье. Завещание, т. II, стр. 223

¹⁷ Там же, стр. 226

¹⁸ Там же, стр. 228

¹⁹ Там же, стр. 227—229.

²⁰ Там же, стр. 236 и сл., 244 и сл., 264, 273—274.

²¹ Там же, стр. 273

²² Там же, стр. 251.

²³ Там же, стр. 233—234.

²⁴ Ж Мелье. Завещание, т. II, стр. 156

²⁵ La Bruyère Les Caractères Ed Flammarion, p. 364—366

²⁶ Pascal Pensées. Ed Havet, t I, p 39

²⁷ Grand Larousse, t XII, p 348

²⁸ A Bayet Pascal Socialiste «Franc-Tireur», 26.IX 1947.

²⁹ Pascal Pensées, t I, p 71.

³⁰ Pascal Pensées, t II, p. 351, 356.

³¹ Pascal Pensées, t I, p 85

Именно эта смелая мысль, как отметил Шатобриан, вдохновила Руссо на создание своей знаменитой формулы о первом собственнике — насильнике. Мелье считал, что она «достаточно ясно свидетельствует» о «чувстве» Паскаля по отношению к первобытной общности имуществ, ибо «он отмечал, что захват всей земли и все бедствия, которые от этого последовали, произошли исключительно оттого, что каждое частное лицо присваивало себе то, что ему надлежало оставить в общем пользовании»³².

Фенелон не заходил в своей социальной критике так далеко, как Паскаль. Но в том, что можно было бы назвать конструктивной частью «Телемака», имеются чарующие описания Саленты и Бетики, которые не могли не поразить воображения кюре Мелье. В Бетике все пользуются всеми благами сообща, плоды принадлежат всем, нет ни торговли, ни денег. В Саленте роскошь запрещена, образование получают все. Все это вдохновлено древностью, напоминает золотой век. Однако любопытно отметить, что если Мелье помнил эти места «Телемака» и использовал их, как это было указано одним исследователем Фенелона³³, он их не цитировал. В качестве реалиста он предпочитал цитировать не эти идиллические картины, а места, насыщенные энергией, например, «великие сердца стремятся к славе человеколюбца», а также места, носящие политический характер, касающиеся королей и сильных мира сего, «воспитанных в атмосфере такого высокомерия и гордости, что в них заглушается все, что могло бы быть в них хорошего», ответственных за «зверскую политику» и «ужасающую нищету» народа³⁴. Одно из этих мест — очевидно по недосмотру — он приводит дважды³⁵. Выбор этих цитат лучше всего показал разницу целей, какие преследуют автор «Телемака» и автор «Завещания». Первый, ничего не ниспровергая, ставил себе целью воспитание принца, мысль второго носила разрушительный характер и предназначалась для народа.

* * *

Именно потому, что Мелье был убежден в необходимости политического и социального переворота, преобразующего общество и являющегося выходом из несчастного положения народа, он придавал так мало значения чисто критическим соображениям и проектам реформ, возникшим в его время. Из

³² Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 220.

³³ A. Chérial. Fénelon au XVIIIe siècle en France. Paris, 1917, p. 309—310.

³⁴ Ж. Мелье. Завещание, т. I, стр. 76; т. II, стр. 158, 226—234, 235—241, 245—268, 270—281.

³⁵ Там же.

громдного числа вышедших в эти годы памфлетов он ссылался только на один.

В 1689—1690 гг. появился памфлет «Вздохи томящейся в рабстве Франции» («Les soupirs de la France esclave»). Памфлет этот был написан ясным, точным и решительным языком, и его приписывали Жюриё (Jurieu). Автор разоблачал в нем «печальные результаты произвола и деспотизма французского двора». Он выставял напоказ все пороки режима. Он сочувствовал страданиям «простого народа», кровь которого питала «бездну ненасытной алчности и чрезмерного тщеславия короля». Но в конечном счете автор стремился к восстановлению Генеральных штатов и укреплению прав парижского парламента³⁶. Лекарство слабое до смешного! Столько справедливой критики, чтобы в результате вздохнуть по «основным законам королевства»! Это не могло удовлетворить Мелье... если допустить, что он был знаком с этим тайно изданным в Голландии памфлетом.

Совершенно ясно, что Мелье ничего не знал, ибо они оставались тайными, о знаменитых правительственных планах, называемых планами Шона (Chaulnes), разработанных Фенелоном совместно с герцогом де Шеврез для представления наследнику трона герцогу Бургундскому (ноябрь 1711)³⁷. Труды Буагильбера (Boisguillebert). Эй дю Шателе (Hay du Chastellet) и план реформы, составленный маршалом Фабером, бывшим комендантом Седана, также были ему неизвестны. Что касалось «Королевской десятины», которую другой маршал, Вобан, начал писать в 1695 г. и издал в 1707 г.³⁸, за несколько лет до того, как было написано «Завещание», то эта книга слишком прогремела для того, чтобы Мелье ее не знал. Все же нас смущает, что когда он говорил о налогах, то ссылался на Комина, а не на Вобана. Может быть, это объяснялось тем, что великий воин, каким бы новатором он ни являлся, писал, устремив преданный взор на короля, и проявлял неожиданную снисходительность по отношению к дворянам. С другой стороны, манера, с которой он иногда унижал слуг и сводил роль народа к орудию власти и богатства монарха, равно как его забота о предоставлении скамей и почетных отличий в церквях сеньорам, могли крайне не нравиться Мелье³⁹. Достаточно сказать, что кюре, как и один его товарищ по профессии из Перигора, был в 1709 г. далек от того, чтобы находить проект

³⁶ Ch. Nodier. Mélanges tirés d'une petite bibliothèque, 1829, p. 356—361; G. Mongredien. La vie littéraire au XVIIe siècle, p. 378.

³⁷ Ph. Sagnac. La formation de la Société française moderne. La société et la monarchie absolue, p. 181—190, 225—236.

³⁸ Vauban. Dixme royale. Ed. Coornaert, 1933, p. XXV, 3.

³⁹ Ibid., p. IX, XXXVIII, XL, 66, 136, 197, 210.

маршала «превосходным»⁴⁰. Мелье несомненно, также не был знаком с планом налоговой реформы, составленным другим аббатом, кюре Анкетена из Лиона ла Форэ в Нормандии⁴¹.

* * *

Если протесты, носящие общий характер, и современные ему проекты реформ не занимали никакого места в «Завещании» Мелье, то ли по его незнакомству с ними, то ли, что более вероятно, по пренебрежению, можно было бы подумать, что он, ввиду их смелости, широко пользовался трудами утопистов. Но и такое предположение ошибочно.

Вернемся к «Телемаку». Первое его издание вышло в 1699 г. Мелье было тогда 35 лет и он уже десять лет как был кюре в Этрепийи. Нам неизвестно, когда он ознакомился с этим произведением, единственным из всей утопической литературы упоминаемым в его «Завещании». Здесь нам следует указать на одну из характерных особенностей кюре Мелье — на его не любовь к утопиям. «Телемак», как мы видели, интересовал его главным образом как сатира на абсолютистское правление Людовика XIV.

Знал ли он великих утопистов XVI и XVII вв. — Томаса Мора (1516), Кампанеллу (1623) и более близкого ему по времени Дени Вераса д'Алэ (Denis Verras d'Alais), первое издание «Истории Севарамбов» которого вышло в 1677 г., когда Мелье было 13 лет, а второе — в 1698 г., когда ему исполнилось 34 года? Сказать что-либо положительное по этому вопросу невозможно. Карл Грюнберг считал, что, по-видимому, он их не знал⁴². Петифис, посвятивший две главы своего труда выяснению отношений идеологии этих утопистов к идеям Мелье, выходил из положения, изучая «влияния, которые могли быть сказаны на интеллект Мелье». Не желая извращать факты, он ограничивался сравнительным изучением, которое приводило его к установлению «глубоко оригинального характера произведения Мелье», хотя оно и «отражало общий характер и тенденции», которые проявлялись у его предшественников по социальной критике⁴³.

Все это прекрасно. Но не можем ли мы высказать предположение, каким бы удивительным оно ни казалось, что «утопия» Томаса Мора, которую при ее появлении приветствовали в полных энтузиазма письмах и стихах Эразм, Гийом Бюде, Жером

Бюлидиус, Томас Люпсэ, Пьер Жилье и другие светлые умы того времени, была незнакома современникам Мелье, даже самым выдающимся из них? Показательно, что Вольтер, столь хорошо знакомый с культурой Англии, в которой он жил некоторое время, писал 6 июля 1739 г. Гельвецию: «К своему стыду, признаюсь вам, что никогда не читал утопии Томаса Мора»⁴⁴. А ведь в это время помимо латинского и английского текста существовало три французских перевода «Божественной республики». Если такой король умов, каким был Вольтер, не был знаком с «утопией» Мора через десять лет после смерти Жана Мелье, то можно предположить, что скромный деревенский кюре, хотя и проникнутый коммунистической идеологией, прекрасно мог также не быть знакомым с книгой о «лучшей из республик».

Первым вольным переводом «Утопии» Франция обязана Гедевиллю, который издал его в Лейдене в 1715 г. Гедевилль был убежденным коммунистом, опубликовавшим уже в 1705 г. свои знаменитые «Диалоги или беседы между дикарем и бароном де ла Гонтан»⁴⁵. В отличие от Мелье, он не верил в победу коммунизма. «Утопия» была для него «абстрактной картиной». Мир, писал он в своем предисловии к «Утопии», «никогда не станет утопией». Все же он признал, что проект Томаса Мора открывал путь к улучшению «условий человеческого существования»⁴⁶. Не упоминая о Гедевилле, Мелье также не говорил об их общем предшественнике Клоде Жильбере, главном герое острова «Разумных людей» (1700)⁴⁷. Само собой разумеется, что идеальные поселения, созданные в его время в Германии⁴⁸, полностью ускользнули от его внимания.

Более удивительно, что Мелье не знал ни экстравагантной утопии Габриэля де Фуаньи «Астральная земля», изданной в 1676—1694 гг., ни книги «Путешествия и приключения Жака Масса» (1710 г.), приписываемой аббату Мовийону, переводчику на французский язык «Путешествия под землей», на самом деле написанного Тиссо де Пато⁴⁹. Это приходило на ум, поскольку известно, что Габриэль де Фуаньи, уроженец Тьераш (на границе округа Бетель), по всей вероятности, поддерживал связь с Реймсом⁵⁰, что в различных своих писаниях он неизменно говорил о родных своего героя — Никола Садера родом из Шатильона на Варе «в округе Бетель в Шампани»⁵¹, т. е.

⁴⁴ F.-M.-A. Voltaire. Correspondance. Ed. de Besterman, t. IX, p. 183.

⁴⁵ A. Lichtenberger. Le Socialisme au XVIIIe siècle, p. 54—57; G. Chénard. Baron de Lahontan. Dialogues curieux, p. 325 sqq.

⁴⁶ Thomas Morus. L'Utopie. traduction Guendeville, 1715, p. XIII.

⁴⁷ F. Lachèvre. Les successeurs de Cyrano de Bergerac, p. 210—234.

⁴⁸ A. von Kerckenheim. L'éternelle utopie

⁴⁹ F. Lachèvre Op. cit., p. 1—166, 235—258.

⁵⁰ Ibid., p. 3.

⁵¹ Ibid., p. 69.

⁴⁰ Vauban. Dixme royale, p. XXVIII.

⁴¹ Ibid., p. XIX.

⁴² C. Gruenberg Jean Meslier Un Précurseur oublié du socialisme contemporain. «Revue d'Economie Politique», 1888, p. 283.

⁴³ Petitfils. Un socialiste révolutionnaire du XVIIIe siècle Jean Meslier, 1905, p. 84—85.

деревни, расположенной всего на расстоянии семи лье от Ма-зерни и девяти с половиной лье от Этрепиньи. Что касается Тиссо де Пато, то он в 1679 г. бывал в Буа ле Дюк в Голландии у Пьера Бегем, который там скрывался⁵²; в настоящее время вопрос о связи последнего с Мелье исследуется.

Перед лицом стольких смущающих нас фактов трудно поверить, что юре Мелье не держал в руках сочинений Габриэля де Фуаньи и Тиссо де Пато. Однако он о них нигде не упоминал, что лишний раз подтверждало его нелюбовь к утопиям.

Впрочем, хотя он и проповедовал коммунистическую теорию, принимая за ячейку деревню или приход, ничто не позволяет утверждать, что он почерпнул мысли об этом строе из сочинения Ги Токийя о нравах жителей Нивернэ (1666 г.), а не из жизни современных ему приходов.

Столь же смущающим является другой факт, имеющий отношение к проблеме источников,— это его концепция об управлении, осуществляемом наиболее мудрыми из граждан. Термин «мудрец» идет от греческой традиции «семи мудрецов» и подразумевает государственных деятелей, изучающих вопрос о наиболее совершенном управлении государством. В XVII в. Спиноза, а Толанд в то время, когда Мелье писал свое «Завещание», снова употребили этот термин, восхваляя духовные сообщества. Термин этот «носился в воздухе» и сыграл свою роль в создании франкмасонства. Но «город мудрецов» Спинозы и «сократическое общество» Джона Толанда были замкнуты и находились вне общества в целом, в то время как Мелье связывал мудрецов с идеей народного управления, ставя их во главе этого управления⁵³.

* * *

Мы указываем в другом месте, что Мелье взял у Марана в области критики религиозных верований. Здесь же следует отметить, чем он обязан Марана в области критики социальной.

Нельзя сказать, чтобы Мелье при рассмотрении этих вопросов часто цитировал Марана. Но ограничиться указанием на несколько цитат означало бы недооценить влияние, какое этот автор оказал на Мелье. Нужно чувствовать «дух», одушевлявший Марана, дух, который мы находим и у Мелье.

Разве в первом же письме, в самом начале «Турецкого шпиона», Марана в выражениях, которые за ним будут повторять все эгалитаристы и коммунисты XVIII в., не восстает против «ненавистных названий господин и раб»⁵⁴.

⁵² F. Lachèvre. Op. cit., p. 237.

⁵³ Spinoza. Traité sur l'épuration de l'Intellectuel, ch. II; A. Sautoine. John Toland, passim.

⁵⁴ Marana. Op. cit., t. I, p. 4.

В том же томе шпион холодно замечает, что в столице воры так и кишат: «Здесь столько воров больших и маленьких, что если бы их наказывали так как это делали в Сирии..., то этот большой город скоро бы обезлюдел»⁵⁵.

До этого Марана констатирует социальный гнет и утверждает: «Обычно сильнейший, когда на его стороне право, угнетает слабейшего и обогащается его пожитками»⁵⁶. «Однако,— признает он,— все люди имеют одинаковое право на все»⁵⁷, но присвоение чужого добра является правилом, а естественное право нарушается.

В том же томе в письме к христианину из Австрии, который постригся в монастырь босоногих кармелитов, Марана идет еще дальше. Он хвалит монастырскую общность имуществ следующими словами: «Среди многих других вещей имеется одна, которая мне чрезвычайно нравится в том духовном ордене, в который ты вступил: все между вами общее, один ключ открывает сто дверей; у вас нет ни *твоего*, ни *моего*, все одеты одинаково, все ходят босиком, вы все едите за одним столом и одни и те же блюда. Одним словом, ваши молитвы одинаковы, и вы все приносите тот же самый обет бедности»⁵⁸. Эти строки следует сравнить с тем местом «Завещания», где Мелье с похвалой отзывается о монастырской общности имуществ.

Впрочем, мы находим у Марана и другие высказывания или намеки в пользу общности имуществ. В подражание древним, он дает лирическое описание золотого века, настаивая в разных местах на том, что земля была в общем владении и что люди того времени смотрели как на нечто «недостойное для себя» привязываться к ней и владеть «некоторой ее частью», отделенной от соседей изгородями, рвами, заборами. Ибо тогда никому «не хотелось ставить оград»⁵⁹.

С другой стороны, длинные исторические рассуждения юре Мелье относительно «истинного источника и подлинного происхождения» величия взяты целиком из одного письма Марана к еврею Бен Садди⁶⁰. В том же томе имеется целый абзац, в котором Марана возмущается употреблением золотых и серебряных монет и предлагает заменить их, подобно тому как это сделали лакедемоняне, железными монетами, чтобы уменьшить роскошь и «бесполезные искусства» и предупредить «стремление к скупости и краже»⁶¹. Но Мелье с этим не считается. Впрочем, ни одна строчка его «Завещания» не посвящена проблеме монеты; этого вопроса он нигде не касается.

⁵⁵ Marana. Op. cit., t. I, p. 320.

⁵⁶ Ibid., p. 304.

⁵⁷ Ibid., p. 305.

⁵⁸ Ibid., p. 317—318.

⁵⁹ Marana. Op. cit., t. V, p. 32, 236—237.

⁶⁰ Ibid., p. 98—102 Lettre XXII.

⁶¹ Ibid., p. 191.

Следует еще упомянуть о человеке, оказывавшем на Мелье непосредственное влияние, способствовавшем обогащению его знаний, направлявшем его чтение и проверявшем его аргументацию. Этим человеком был его друг Бюффье, ибо нет никакого сомнения, что Мелье извлек большую пользу из своей переписки с огом иезуитом. Хотя это трудно уловить, но несомненно, что «Завещание» выросло из этой переписки.

Очевидно, мы никогда не узнаем содержания писем, которыми они обменивались, разве что какой-нибудь необыкновенный случай поможет их обнаружить. Поэтому нам следует считать потерянными эти драгоценные признания и свидетельства, порожденные волнением умов. Нам неизвестно, какие вопросы обсуждались друзьями. Однако на основании трудов Бюффье можно попытаться в общих чертах установить, чем именно был ему обязан Мелье.

Ведь недаром Вольтер писал, что отец Бюффье был «единственным иезуитом, писавшим свои труды на основе разумной философии»⁶². То, что Вольтеру нравилось в Бюффье это, несомненно, принятие им философии Локка в той степени, в какой она совместима с эмпиризмом, присущим другим ученым ордена. Недаром и Дидро настолько ценил «Курс наук» Бюффье, что писал: «Нельзя ничего прибавить к точности и последовательности рассуждений и возражений, служащих ему для уяснения каждого из рассматриваемых им положений»⁶³.

Конечно, «Курс наук», так же как «Изложение наиболее ясных доказательств истинной религии», вышел в свет в 1732 г., уже после смерти Мелье. Но мысли, выраженные в этих двух книгах, несомненно были известны Мелье. Он знал, что Бюффье осуждал Спинозу, находил его слишком абстрактным, слишком схоластическим, слишком гордым. Ему было известно, что Бюффье находил «нелепым» и противоречащим «здравому смыслу» принцип Спинозы о единой субстанции, существующей в мире; по мнению Бюффье, этот принцип порождал только путаницу. Но если отвлечься от его осуждения «жалкой системы Спинозы»⁶⁴, то сколько доводов и мыслей отца Бюффье в пользу рационалистических положений могли служить поддержкой Мелье!

Разве в «Трактате о первоначальных истинах», вышедшем в 1724 г., еще при жизни Мелье, в период усердной его работы над «Завещанием», не было ясными словами написано, что «представление о боге не является врожденным»? Это одна

из тех первоначальных истин, которую Сильвен Марешаль нашел нужным воспроизвести в своем «Словаре древних и новых атеистов», предоставляя читателю сделать свои выводы из этого положения⁶⁵.

Бюффье, который оспаривал подлинность чудес Аполлона Тианского, принимал чудеса божественные, определяя их как факты, противоречащие законам природы, установленным богом и им же нарушенным. Но, определив их подобным образом и стоя на чисто фидеистической точке зрения, он отклонял всякое их объяснение, что приводило Мелье к признанию слабости такой точки зрения. Кюре не мог также следовать за своим другом, когда последний утверждал, что «без религии нет достаточно сильной узды»⁶⁶. Но он не мог не одобрить следующего утверждения: «Следует признать... что откровение вовсе не является абсолютно обязательным для того, чтобы установить чисто нравственные права добродетели и человеческого общества»⁶⁷.

Подобные высказывания помогают нам уяснить тот «вклад», ту «нравственную поддержку», которую получал Мелье в результате обмена мыслями между двумя друзьями. За ортодоксальной видимостью всех назидательных книг Бюффье Мелье находил склонность к свободному от догматов деизму, к естественной религии и иногда взрывчатые дерзания, подсказывавшие ему цели, опережавшие замыслы его друга.

В рассмотрении социальных вопросов, по крайней мере в критическом плане, Бюффье был еще более смел. В самом начале столетия, задолго до Руссо, которого, впрочем, обвиняли в плагиате у Бюффье, он использовал «природу», эту великую сущность века разума. Он также был одним из тех, кто распространял теории «добротого дикаря». Обе эти темы были связаны между собой и обе имели революционное значение. Ему даже довольно часто приходилось говорить о Разуме, «который приводит людей к счастью и истинной религии», «которая и является естественной религией»⁶⁸. Следует признать, что для того времени это было неплохо.

Бюффье, наслаждавшийся чтением описаний путешествий в Америку своих коллег-миссионеров, извлекал из этих книг разрушительные выводы в отношении европейского социального порядка. Он находил, что индейцы более свободны, более рассудительны, более нравственны, более счастливы, чем цивилизованные народы. Исходя из этого, он восхвалял золотой век, «век невинности и спокойствия», узаконял власть лишь в том

⁶² Voltaire Oeuvres complètes Ed Garnier — Moland, t. XIV, p. 48.

⁶³ Encyclopédie, art «Vérité», G. Chénard L'Amérique et le rêve exotique dans la littérature française au 17e—18e siècles Paris, 1913, p. 327.

⁶⁴ Buffier. Eléments de métaphysique, 1725, col. 911.

⁶⁵ С Марешаль Избранные атеистические произведения. М., 1958, стр. 193

⁶⁶ Buffier Traité de la Société civile, t. II, p. 115

⁶⁷ Buffier Cours de Sciences, p. 1120

⁶⁸ Ibidem.

случае, если она стремится к «всеобщему счастью», признавал лишь собственность, ограниченную интересами общества, естественное воспитание, заменяющее всякое иное⁶⁹.

Само собой разумеется, он провозглашал естественное равенство всех людей, но, что было более редким, он из этого равенства выводил право людей на счастье. «Все люди по природе одинаковы... В этом отношении они должны смотреть друг на друга как на равных. Некоторое неравенство, создаваемое разными условиями существования, было создано лишь для того, чтобы они все, в соответствии со своим настоящим положением, могли прийти к общей цели, которая заключалась в том, чтобы быть счастливыми в той мере, в какой это возможно для смертных»⁷⁰.

Однако провозгласив все эти разрушительные положения, Бюффье сделал шаг назад. Он заявил, что неравенство необходимо для «общего счастья». Он превозносил необходимость иерархии. Он желал, чтобы «низшие» склонялись перед властью «высших» и даже чтобы они находили «свое счастье в подчинении»⁷¹. Он отказывался давать советы, что делать «для улучшения положения несчастных»⁷². Он прославлял короля и расточал чрезмерные похвалы дворянам, а именно герцогу Бургундскому, в посвящениях, служивших предисловиями к его сочинениям⁷³.

Даже если мы примем, что эта лесть была лишь обычной манерой того времени и не имела никакого значения, даже если мы сошлемся на необходимость «громоотвода», следует признать, что в своем поведении, в своей жизненной практике Бюффье не следовал своим инстинктам разрушителя. Несмотря на все это, можно предположить, что в социальных вопросах он оказал на Мелье громадное влияние. Имеющиеся в нашем распоряжении фактические данные незначительны, но отрицать этого нельзя.

Из осторожности, которая делает ему честь, Мелье в своем «Завещании» не показал со всей очевидностью этого влияния. Но эта сдержанность не может ввести нас в заблуждение; наоборот, она весьма ясно показывает, что Мелье справедливо оценивал тот большой вклад, которым он был обязан Бюффье.

* * *

В качестве социального фактора материального порядка война, несомненно, сыграла большую роль в становлении взглядов

⁶⁹ A. Lichtenberger. Op. cit, p. 68—69; G. Chinard. Op. cit, p. 326—333; P. M. Masson. La formation religieuse de Rousseau, t. I, p. 261—263

⁷⁰ Buffier Traité de la société civile, t. II, col. 1179—1180

⁷¹ Ibid., col. 1190.

⁷² F. K. Montgomery. La vie et l'oeuvre du père Buffier, 1930 (thèse), p. 183.

⁷³ Ibid., p. 82

кюре Мелье. Его родители в Мазерни и старики-прихожане в Этрепиньи могли рассказать ему о том, что происходило в их краях во время Тридцатилетней войны (1618—1648) и Фронды (1648—1653). Это было ужасно. Чтобы представить себе общую картину, следует вспомнить серию выразительных рисунков Калло и удручающие донесения интендантов. Политическая и социальная история Франции в XVII в., как это показал на примере Бургундии Гастон Рупнель⁷⁴, проходила под знаком военных нашествий и грабежей.

Следует отметить, что княжество Седан было возвращено французскому престолу лишь в 1643 г. В том же году в Рокруа, в десяти лье к северо-западу от Этрепиньи, произошла знаменитая битва, вошедшая во французские учебники истории. Поскольку Этрепиньи находилась на границе германской империи с французским королевством, она сильно пострадала. В 1664 г. эта деревня разделила общую участь с Флиз, Бутанкур и аббатством Элан, которые были разграблены, опустошены и частично сожжены Ламбуа, командовавшим пехотой принца Фридриха Морица, которая сражалась против королевской армии, состоявшей из 16 тыс. человек⁷⁵.

Тервель, сеньор Этрепиньи, в своих кадастровых записях от 1657 г. перечислял беды, причиненные войсками Кондэ. Деревни продавали свое общинное имущество и церковные колокола, чтобы покрыть расходы по реквизициям. Он сообщал, что по временам половина, треть или четверть какой-нибудь деревни сгорала. В родной деревне Мелье насчитывалось двадцать восемь домов, разрушенных в 1656 г. Так же как в Ла Гранж Буврэ около Дом ле Мениль, нередко и здесь можно было найти оставленные фермы, постройки которых превратились в развалины, заброшенные сады и земли, срубленные фруктовые деревья, опустошенные леса. Было еще счастьем, если вблизи таких ферм не находили распростертые на земле трупы или обглоданные волками скелеты хозяев этих угодий⁷⁶.

В мае 1712 г. председатель реймского выборного податного суда указывал генеральному контролеру на незаконные поборы солдат (в пограничных приходах Шампани) и в заключение писал: «Вот положение, до которого эти мародеры довели бедное пограничное население, весьма нуждающееся в вашем милосердии»⁷⁷.

⁷⁴ G. Roupnel. La ville et la campagne au XVIIIe siècle, 1955, passim.

⁷⁵ A. Petit. Monographie de la commune d'Etrépinny, 1914 (manuscrit), p. 67

⁷⁶ E. Petitfils. Op. cit, p. 26; «Revue Historique Ardennaise», 1902, p. 210; «L'Ardennais», 19 août 1957.

⁷⁷ De Boislielle et P. de Bretonne. Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les intendants, t. III, p. 441.

Армия находилась в состоянии невероятной, порождающей злодеяния анархии. В предметном указателе к переписке генеральных контролеров мы под словом «солдат» находим весьма красноречивые, несмотря на их сухость, упоминания. Здесь говорилось о солдатах, поджигающих дома, совершающих насилия, расхищающих зерно, занимающихся контрабандой, торгующих, фальшивомонетчиков и т. д.⁷⁸ К поборам, производимым регулярными войсками, к рейдам или «налетам», как их тогда называли, которые приводили в полную растерянность крестьян, прибавлялись хищения, вымогательства контрабандных торговцев солью, образывавших «маки» (подполье). В окрестностях Музон во время одной облавы было захвачено более шестидесяти этих грабителей⁷⁹.

Поэтому кюре Мелье проклинал войну, которая «всегда велась за счет жизни и достояния бедных народных масс» «под пустыми предлогами». Короли развязывали войны, чтобы «расширить границы своих королевств или своей империи», и с этой целью они забирали людей «добром или силой там, где только чиновники могли их поймать». Под предлогом нашествий «они делали запасы денег и продовольствия для того, чтобы кормить и содержать свои войска, что, однако, не предохраняло сельское население от постоянных притеснений, обид и насилий со стороны грубых солдат, которые забирали все, что встречалось на пути»⁸⁰.

* * *

Война усиливала нужду, вызванную периодическими голодовками и суровыми зимами. Это было время, когда, по выражению кардинала Флери, «королевство превратилось в обширную больницу, полную умирающих и отчаявшихся».

Голод 1693, 1694, 1698, 1709 и 1725 гг. распространился вплоть до хлебных районов Бри и Бос; он был вызван непрекращающимися дождями; он усиливался в результате препятствий, которые чинили перевозке зерна местные власти в связи с запретительной системой Кольбера. Остановимся на голоде 1693 г.; он характеризовался смертностью, в три или четыре раза превышавшей обычную смертность: естественно, ее не могли остановить ни религиозные процессии, ни молитвы в течение девяти дней, которые, несомненно, подобно стольким из своих собратьев, но против своей воли организовывал кюре Мелье. В Шампани крестьяне варили жидкую кашу из соломы и ели выжимки винограда⁸¹. Легко понять, в какое ужасное состояние все эти голодовки привели население Арденн

Можно удивляться, что Мелье не говорил о страшной зиме 1709 г. и вообще о голоде и непогоде, доводивших до крайности нищету, которую он приписывал социальному строю. Однако он сам страдал от этих бедствий и, так же как его сограждане, был вынужден весь 1709 г. питаться ячменным хлебом, а в критические периоды — даже хлебом из овса и растертых корней⁸².

Здесь следует отметить, что увеличение смертности, наблюдаемое во многих местах в 1709 г., не имело места в Этрепиньи. В этом году в приходских книгах было занесено всего четыре акта о смерти, что представляет собой довольно низкую цифру по сравнению с цифрами за другие годы. Лишь в сентябре — октябре 1724 г. по неизвестной причине может быть, в результате эпидемии или исключительной по силе местной голодовки, кюре в Этрепиньи был вынужден служить одну за другой заупокойные мессы по умершим, число которых превышало обычное число⁸³.

Этрепиньи, расположенная в лесистой местности, недалеко от лесов Элана и Мазарена, каждую зиму и особенно в те зимы, когда морозы были очень жестоки, подвергалась губельным вторжениям волков. Это настолько вошло в быт, что Мелье, желая доказать, что собаки обладают сознанием и способны на чувства и реакции, подобные нашим, не забывает отметить в качестве известного факта, что собаки убегают от волков «из страха»⁸⁴. В Шаландри (Эн) в приходе Лан в 1727 г. один волк жестоко искушал множество животных и семнадцать человек, из которых несколько человек умерли. Нам известно, и это указывает на значительность убытков, причиненных этими хищниками, что при жизни Мелье были созданы братства святого Губера, которые своими молитвами должны были защищать население от волков. Но было бы излишним говорить, что кюре Мелье не присоединял своего голоса к этим молитвам. В бытность его священником этих братств было не больше, чем братств любых других орденов. В качестве показательного факта (ускользнувшего от внимания автора самой полной монографии об Этрепиньи) следует отметить, что до настоящего времени в этих краях имеется место, не занесенное в кадастр и называющееся «волчья яма», а неподалеку, в Вилье сюр ле Мон, расположено место с официальным названием «Волчья лора». По соседству, в Сапонь, протекает ручей, название которого «Волчий источник» говорит само за себя⁸⁵.

⁷⁸ Ed. Michaux. Le village et l'abbayé de Clairefontaine, p. 168.

⁷⁹ Archives communales d'Etrépyngny Régistres paroissiaux.

⁸⁰ Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 325.

⁸¹ Ed. Brucelle et J. Lefèvre. Histoire de Chalandry, p. 124; Archives départementales de la Marne: G. 265—Archives communales de Villers sur le Mont. Plan cadastral; Témoignages d'habitants d'Etrépyngny. «Almanach Natot-Braine», 1907, p. 268 (Sapogne).

⁷⁸ De Boisile et P. de Bretonne. Correspondance des controleurs généraux des finances avec les intendants, t. III, p. 794.

⁷⁹ E. Bonnemère. Histoire des Paysans, t. III, 4-e éd., p. 224—225.

⁸⁰ Ж. Мелье. Завещание, т. II, стр. 235

⁸¹ E. Bonnemère. Op. cit., t. III, p. 154, 156, 167, 244.

О нищете крестьян во времена Мелье мы можем судить по донесению интенданта этой провинции, написанному в связи с расследованием, предпринятым герцогом Борилье в 1697 г. В этом донесении можно прочесть: «За пять с половиной лет, что я имел честь служить в податном округе Шампань, я видел, что нужда с каждым годом увеличивалась»⁸⁶.

К этому официальному донесению можно добавить потрясающий рассказ одного уроженца Шампани, достигшего известности в области нумизматики, Валентина Жамерэ Дюваля, пасшего в 1709 г. индюшек и в год смерти Людовика XIV имевшего двадцать лет от роду. «Казалось, что нищета и голод поселились здесь прочно. Хижины, крытые соломой и тростником, пригибались к земле и напоминали собой ледники. Обмазка из глины, смешанной с небольшим количеством соломы, была единственной защитой от мороза. Что касалось жителей, то их внешность вполне соответствовала бедности их жилищ. Лохмотья, которыми они были покрыты, бледность лиц, красные унылые глаза, чахлый вид, угрюмый и тупой, голые, худые дети, иссушенные голодом и искавшие между оградами и кустами корни некоторых растений, которые они с жадностью поедали, все эти страшные признаки общественного бедствия привели меня в ужас»⁸⁷.

Один факт, на который указывал Гольбах, показывает отчаяние, владевшее крестьянами того времени. Барон знал о чем говорил, ибо был близок с семьей д'Эн, один из членов которой родился в Мезьере. Гольбах писал: «В последние годы царствования Людовика XIV жители Шампани, изнемогавшие от налогов, каждый день читали молитву, в которой просили бога о милости умереть в текущем году, и обучили этой молитве детей»⁸⁸.

Экономические кризисы той эпохи, которые могли бы помочь понять причины этой нищеты, очень плохо известны, и Мелье, который отнюдь не был специалистом в области экономики, никогда не делал на них никаких намеков. Однако мы знаем, что цены, бывшие довольно низкими в 1685—1692 гг., затем поднялись и вновь упали после урожая 1699—1700 гг. Мы могли бы также многое почерпнуть из исследований о характере, интенсивности и распространении заразных заболеваний, о которых мы знаем лишь из названий, данных некоторым местам: в Этрепиньи и Балева до сих пор продолжают бытовать названия «La Maladrerie» («Лепрозорий») ⁸⁹. Также нам сле-

довало бы располагать данными об уменьшении населения, проценте крестьян-собственников, вдов и нищих, о числе необитаемых хижин.

Но независимо от этого несомненно, что войны, атмосферные условия, запреты, экономические и финансовые кризисы, злокачественные лихорадки и множество других факторов не объясняли полностью почти эндемическое состояние голода. Урожаи были посредственными оттого, что обработка земли была посредственной. Слишком много было необработанных земель, пустошей, земли были раздроблены на слишком большое число участков, земледельческие орудия устарели. Методы обработки земли, передаваемые из рода в род по традиции, были примитивны. Скотоводство было в упадке вследствие плохих санитарных условий и страха перед налогами. Но все это, по-видимому, не очень заботило Мелье, или же он полагал, что всем этим проблемам не должно быть места в его «Завещании». Если это так, нам следует отметить его заблуждение, ибо существовала прямая связь между состоянием техники и положением обездоленных.

Чтобы составить представление о материальном положении и домашней жизни среднего крестьянина, мы располагаем описью имущества одного семейства Этрепиньи, составленной в 1722 г., в которой перечислено следующее. Кухонная утварь: крюк для подвешивания котла над очагом, железный горшок, котлы, корыто, большая корзина с двумя ушками, сажальная лопата, бочки, тренога, соломенные корзины, решето, фаянсовые горшки, глиняные горшки; предметы обихода: швабра, утюг, плоская плетенка для ручного просеивания зерна, топор, резак, серп, заступ, мотыга, маслобойка, оселок; мебель и спальные принадлежности: сундук, железный светильник, табурет, перина, подушка в виде валика, ларь для хранения хлеба, зеркало; посуда: деревянная солонка, перечница, три железные стопки⁹⁰. Какие бы вопросы мы ни ставили себе и какие бы мы ни делали сравнения по поводу этой описи, она все же показывает нам, что во времена Мелье обстановка крестьянского дома не могла не быть нищенской.

* * *

Когда Мелье призывает к восстанию, то это является логическим следствием его негодования, вызванного нищетой, несправедливостью и незаконными поборами. Между прочим, и в прошлом происходило немало крестьянских волнений. Нельзя себе представить, чтобы столь оппозиционно настроенный кюре не знал о войнах гуситов в XV в., крестьянских войнах в Гер-

⁸⁶ Ph. Sagnac. Op. cit., p. 159.

⁸⁷ Цит. по: E. Bonnemère. Op. cit., t. III, p. 210.

⁸⁸ Holsbach. Systeme social, t. II, p. 202.

⁸⁹ Ph. Sagnac. Op. cit., p. 158—159; Archives communales d'Etrépinny et de Balaives. Plans cadastraux.

⁹⁰ A. Petit. Op. cit.

мании в XVI в. и о волнующем примере Томаса Мюнцера, этого теолога, который не удовлетворился разработкой революционных идей, а стал во главе восставшего крестьянства и принял мученическую смерть. Однако Мелье никогда не говорил об этом, может быть потому, что эти движения вдохновлялись Библией и отцами церкви и носили на себе печать мистицизма, что представлялось ему духовной мистификацией.

Но, не говоря уже о прошлом, факты, которые происходили вокруг него, примеры, подаваемые его эпохой, не могли не оказать на него большого влияния.

Он очевидно, не знал и не сумел узнать из «Географии» отца Филиппа Лабба⁹¹, написанной без человеческого тепла, что в то же самое время, когда он с церковной кафедры брал на себя защиту крестьян Этрепиньи, гордые норвежские крестьяне ценой жестоких боев добились такого политического значения, что даже названия кораблей свидетельствовали об их подвигах⁹².

В произведении Мелье нет никаких намеков на современные ему местные восстания или революционные вспышки. Но трудно себе представить, чтобы он не знал по крайней мере о некоторых из них, что он не одобрял их и что они не усиливали его революционных чувств.

Известно, что в конце царствования Людовика XIV, когда Мелье в расцвете своих сил и умственных способностей ощущал все страдания и весь гнев истерзанной земли, во Франции уже не происходило крестьянских восстаний крупного масштаба. В этом отношении в стране наступило затишье. Два крестьянских восстания — в Керси в 1705 г. и «Задним умом крепких» (Tardavisés) в 1709 г. считались одними из последних; наконец, с подавлением восстания Камизаров в Севеннах (1711 г.) наступила мертвая тишина. Но не прошли бесследно воспоминания об аграрных волнениях XVII в. Начиная с бургундских «Трефовых валетов» (Les Lanturlus) (1630—1631), «Босоногих» Верхней Нормандии (1640), «Кроканов» в Перигоре (1641), «Саботье» в Берри (1658), «Люстюкрю» в Булонне (1662) до жаков Беарна и Шалосс (1664), «Микеле» в Руссильоне (1666), «Руруа» в Виварэ (1670), жаков Гийени (1674) шла непрерывная цепь, ведущая к носившему чисто политический характер бретонскому восстанию «Красных колпаков» или «Гербовой бумаги» (1675)⁹³. Что касается восстания Степана Разина

на другом конце Европы (1667—1671), то весьма вероятно, что, как и большинство французов его времени, Мелье никогда о нем не слышал.

Б. Ф. Поршневу, занимавшийся крестьянскими восстаниями во Франции при Людовике XIV, не сомневается в том, что Мелье о них знал: «Все заставляет нас полагать, что ему (Мелье) было знакомо значительно большее их число и что он был более осведомлен о них, чем мы в настоящее время»⁹⁴.

В подтверждение этого Поршневу указывает, что «о них много говорили в народе», что юре «несомненно» сообщали друг другу ходившие в народе слухи об этих восстаниях, что лица, руководившие епархиями, были о них осведомлены и, что, наконец, Мелье был в Париже, где он мог получить все сведения о происходивших событиях.

Все это совершенно справедливо, но Поршневу столь же разумно признает, что некоторые из этих восстаний могли остаться неизвестными в «затерянном приходе» Этрепиньи, и готов согласиться с тем, что Мелье «ничего о них не знал»⁹⁵.

Эти противоречия отражают сомнения, которые мы все испытываем в связи с невозможностью установить на основании определенного текста знакомство Мелье с этими движениями, хотя бы с одним из них. Позиция Мелье как защитника крестьян и подстрекателя к восстаниям несомненно ставит его в ряд если не с деревенскими юре — участниками аграрных восстаний того времени, которых мы вновь находим в 1775 г. в качестве участников «мучной войны» в окрестностях Парижа⁹⁶, о которых писал Ф. Энгельс, то, по крайней мере, с деревенскими юре, симпатизировавшими крестьянским восстаниям.

* * *

Но если во времена Мелье крестьянские восстания являлись лишь воспоминаниями, которые, правда, могли служить примером, то вблизи от него происходили народные волнения весьма реального характера. Возможно, что Мелье не знал о реймских волнениях 1709 г., во время которых были захвачены монастыри кордельеров и доминиканцев⁹⁷, но можно с вероятностью предположить, что он знал о конфликтах, происходивших между рабочими, работавшими на фабриках сукна, и фабрикантами в Седане — промышленном городе, насчитывавшем 7 тыс. жителей и находившемся на расстоянии нескольких лье от Этрепиньи.

⁹⁴ B. F. Porchnev. Jean Meslier et les sources populaires de ses idées. Moscou, 1955, p. 46.

⁹⁵ Ibid., p. 46.

⁹⁶ V. S. Lublinsky. Voltaire et la guerre des farines. Ibid., p. 46; «Annales historiques de la Révolution française», avril — juin 1959, p. 143—144.

⁹⁷ G. Laurent Reims et la région rémoise à la veille de la Révolution, p. LXXI.

⁹¹ Ph. Labbe La Géographie royale présenté au roy très chrétien Louis XIV, 1681, ch. XX, p. 225—226.

⁹² H. Koht Les luttes des paysans en Norvège du XVIe au XIXe siècle, p. 196.

⁹³ E. Bonnemère Op. cit., t. II et III, B. F. Porchnev Soulevements en France sous Colbert (Documents du Centre Culturel et Economique France — URSS, N 5, août 1954).

В 1698 г. Ларше, интендант провинции Шампань, после опроса хозяев и рабочих опубликовал устав, род коллективного договора, предусматривавшего назначение жалования на каждый месяц и ограничивавшего число учеников-стригальщиков с целью помешать снижению заработной платы. Этот приказ был подтвержден в 1700, а затем и в 1708 г. Но начиная с этого года вопрос об учениках принял новый оборот. В 1712 г. седанские подмастерья и хозяева выступили перед судом по поводу устава. Хозяева выписали иностранных рабочих, и подмастерья-стригальщики объявили «clock» или «cloque» (выражение, соответствующее забастовке и произошедшее, может быть, от слова «cloche», которое в Пикардии произносилось как «клош»). Забастовка охватила 400 стригальщиков, вслед за которыми забастовали 12 тыс. рабочих-суконщиков. Движение сопровождалось рядом инцидентов, так как вожаки, или «бунтари», как при всех забастовках той эпохи, брали штраф, или «fricasse» с небастующих. В следующем году с 24 сентября по 1 октября бастовали рабочие мануфактуры Пупар. В конце концов устав 1698 г. пришлось подтверждать в 1733, а затем и в 1737 г., в то время как в 1729—1744 гг. вспыхивали новые забастовки⁹⁸.

Кроме разговоров, происходивших по поводу этих «смут», Мелье мог услышать о забастовках от самих рабочих-стригальщиков, которые, вследствие слишком низкой оплаты и сезонных простоев, в течение четырех летних месяцев в году батрачили на земледельческих работах. Они уходили вплоть до Балев, Этрепиньи и окрестностей. Но если Мелье и знал об этих движениях, носивших местный и спонтанный характер, отсюда не следует, что он умел связывать их с общим революционным движением, которое он имел в виду. В XVIII в. было много социалистов по убеждениям и по намерениям, которые не сумели оценить социальное значение крестьянских и рабочих волнений или восстаний. За отсутствием хотя бы самого незначительного намека на эти движения в «Завещании», мы в этом отношении обречены на полнейшее незнание.

Впрочем, Мелье не говорил в нем и о промышленности и о положении промышленных рабочих, которых он мог наблюдать в своем окружении. Все же и в этом отношении можно в некоторой степени восстановить окружавшую его обстановку.

В Ретелуа, где он родился в семье ткачей, выделывавших саржу, он видел за ткацким станком и за выделкой шерсти множество деревенских ремесленников, получавших на мануфактурах работу на дом. Не забудем, что в этой области в 1686 г.

⁹⁸ L. Kessler. Les grèves a Sedan. «Revue d'Ardenne et d'Argonne», novembre — décembre 1902, p. 41—44. Renseignements fournis par Henri Manceau d'après les Archives départementales de la Moselle; Martin-Saint-Leon. Histoire des corporations de métiers, 3-e éd., p. 565—566.

насчитывалось не менее 80 мануфактур, изготовлявших шерстяные материи, из которых в 1698 г., после эмиграции, вызванной отменой Нантского эдикта, оставалось всего 37⁹⁹.

В Реймсе, где Мелье учился, когда он был еще только причетником, насчитывалось более 1800 станков, и он мог видеть, как в темных грязных кварталах ютились сотни бедных семейств «мелких людишек», в среде которых кипел дух возмущения¹⁰⁰.

Став кюре в Этрепиньи, Мелье при посещении Мезьера, Шарлевиля или Седана всегда сталкивался с множеством рабочих и ремесленников, работавших в текстильной промышленности, а также с оружейниками и рабочими, занятыми изготовлением латунной проволоки¹⁰¹. Конечно, не следует преувеличивать значение этих встреч. Но если сопоставить положение этих рабочих с положением других рабочих как во Франции, так и в Англии, то эти встречи позволят отнести Мелье к эпохе промышленной революции, точное время зарождения которой во Франции определить невозможно. Констатация этого факта имеет первостепенное значение, если мы вспомним, что коммунизм, знаменосцем которого был Мелье, станет идеологией рабочих масс в тот период, когда промышленная революция вступит в высшую стадию своего развития.

Все же следует еще раз отметить, что в ту эпоху скольконибудь ясно выраженные социалистические идеи не рождались на фабриках или на мануфактурах, даже тогда, когда на них возникали забастовки. Социализм зарождался прежде всего в деревне, вопрос об индивидуальной собственности ставился сначала исключительно в отношении земли. Реформы, предлагаемые для промышленности, носили индивидуалистический характер, мысль о социальном преобразовании относилась лишь к деревне. «Добрый дикарь» — это всегда крестьянин, и именно на основе размышлений об условиях крестьянской жизни мысль идет дальше, доходя до понятий социалистического порядка. В этом отношении Мелье не одинок. Все же самая дорогая его мечта, мечта об освобождении его прихожан и всего нищего крестьянства, так прочно сливается с его коммунистическим мировоззрением, что он на полвека предвосхищает Бабефа. Именно в этом отношении он опередил самых передовых из своих современников.

* * *

Чем объяснить исключительное положение кюре Мелье? Ведь его современники находились в тех же условиях, что и он.

⁹⁹ G. Laurent. Op. cit., p. CLXXXIV; G. Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV, p. 205.

¹⁰⁰ G. Martin. Op. cit., p. 205; G. Laurent. Op. cit., p. LXX—LXXII.

¹⁰¹ G. Martin. Op. cit., p. 150, 189, 206, 243, 298.

Они жили в той же политико-социальной среде, подвергались с небольшими изменениями тем же внешним влияниям — мы говорим о его орденских собратях, исправлявших должность кюре в деревенских приходах. Но они реагировали на них далеко не так, как реагировал он, или даже не реагировали совсем. Лишь для Мелье влияние среды оказалось творческим. Почему искра зажглась в его сердце скорее, чем в сердцах других людей, родившихся под теми же небесами, поставленных в те же условия? Как объяснить этот необыкновенный результат, появление этого одержимого мечтателя, который самостоятельно и, что еще более удивительно, в отдаленном деревенском приходе не только осознал социальное зло, но и понял, какие радикальные меры могут положить ему конец? Исключительный факт — появление кюре Мелье — личности, в которой встречались и объединялись, в которой уравнивались как социальные, так и индивидуальные линии, этот факт выходил за пределы обычных мерок. Он не может быть объяснен с помощью одного только объективного критерия. В бой вступала сильная и редкая личность, человек особо восприимчивый, с душой реформатора. По-видимому, для того, чтобы в душе человека могли возникнуть и созреть подобные идеи и вытекающие из них требования, следует, чтобы они были порождены личными факторами. Они были обусловлены эмоциональной сущностью Мелье, его способностью суждения, его темпераментом. Мы знакомимся с Мелье благодаря его самоанализу, ибо он, запрашивая свою совесть, рассказывал о своих «естественных» чувствах. Прежде всего у него есть сердце, оно стремится к миру, добру, справедливости, истине, которые, по его мнению, должны стать для людей «неоценимыми источниками добра и счастья». И поскольку он вместо этих «любезных сердцу добродетелей» видел, что люди являются жертвой несправедливости, обмана и тирании, он начинал ненавидеть отвратительное и враждебное людям общество ¹⁰². Самые патетические ноты звучали в его голосе, когда он говорил о бедности крестьян и о преследованиях, которым они подвергались. В то же время его мозг работал, он всегда был занят поисками истины. Кюре Мелье стремился открыть людям глаза, рассеять заблуждения своих сограждан, побудить их бороться за свое освобождение, и, поскольку он в своем конструктивном усилии делал гигантские шаги в будущее, он, осознав, что коммунистическое решение вопроса единственно верное, покидал моральный социализм, сентиментальный и чисто умозрительный, и выходил на путь социализма политического, точнее, революционного. Этим объяснялось его исключительное мужество, сделавшее его предшественником коммунизма.

¹⁰² Ж. Мелье. Завещание, т. I, стр. 57—58, т. III, стр. 371—372.

Ссылки на материалы к теме

МЕЛЬЕ Жан

1664 – 1729

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

Г.Кучеренко. Жан Мелье и передовая общественная мысль Франции первой половины XVIII в.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/meslier_kucherenko_fe-65.pdf

Б.Поршнев. Жан Мелье

http://enlightment2005.narod.ru/science/meslier_porshnev.pdf

В.Волгин. Революционный коммунист 18 в. Жан Мелье и его "Завещание"

http://narod.ru/disk/10467397000/volgin_meslier.pdf.html

Г.Кучеренко. Судьба "Завещания" Жана Мелье в XVIII в.

http://enlightment2005.narod.ru/science/meslier_kucherenko.pdf

Б.Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье

http://enlightment2005.narod.ru/papers/meslier_porchnev.pdf

Другие работы Мориса Домманже

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#m-domn>